

ФЕДОР В. НИКОЛАИ

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Россия

ORCID: 0000-0002-8876-9441

ИГОРЬ И. КОБЫЛИН

Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Россия

ORCID: 0000-0003-4758-2346

«Выиграть время», или темпоральные (за)стенки неолиберального капитализма

doi: 10.22394/2074-0492-2021-1-84-102

Резюме:

Статья ставит под вопрос противопоставление понятий «неолиберализм» и «государство всеобщего благосостояния». По мнению авторов, эти понятия продуктивнее рассматривать не в качестве взаимоисключающих альтернатив, но как два сосуществующих «режима» работы современного капитализма. Именно их сосуществование придает последнему дополнительную устойчивость. Тактически переключая «режимы» в рамках своей общей гвернаментальной стратегии, капитализм куда успешнее справляется с историческими вызовами, превращая саму «внешнюю» историю в принцип собственной внутренней динамики. Сборка этих режимов производится в двух плоскостях: темпоральной и функциональной. В темпоральном плане они в одинаковой мере поддерживают логику «девелопментального» историзма, т.е. противопоставляют прогрессивную современность «мрачному» прошлому. При этом неолиберальный прогрессизм, в ко-

84

Николай Федор Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории ШАГИ ИОН РАНХиГС. Научные интересы: исследования памяти, интеллектуальная история, военно-историческая антропология, исследования культуры, политика времени. E-mail: fvnik@list.ru

Кобылин Игорь Игоревич — кандидат философских наук, доцент Приволжского исследовательского медицинского университета, Нижний Новгород; старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории ШАГИ ИОН РАНХиГС. Научные интересы: политическая философия, исследования биополитики и управленчества, советская философия, политика времени и мультитемпоральность. E-mail: kigor55@mail.ru

тором прошлое ассоциируется с угрожающим свободе государственным контролем, а настоящее — с расцветом частной инициативы и соответственно с подлинным раскрытием индивидуальных талантов, просто переворачивает исторический нарратив доктрины welfare state, где в прошлом — безжалостная конкуренция, в настоящем — социальная поддержка уязвимых категорий населения. Комбинируя эти противоположные по направлению, но одинаковые в своем формальном «прогрессизме» нарративы, капитализм поддерживают иллюзию, что общество в любом случае продолжает «развиваться». Другой функциональной общностью этих двух версий капиталистического проекта становится управление рисками. Но если общество благосостояния предполагает простую минимизацию рисков за счет государства, то для неолиберализма кризис — это не столько тест на выживание, который необходимо успешно пройти, сколько новая возможность укрепить свои позиции за счет «рационального» перераспределения средств и постоянной модификации управленческих стратегий, распространяющихся все шире во всех сферах жизни общества. Кризисы в этой модели оказываются необходимой точкой переключения обозначенных выше «режимов» — регулятором не только финансовых потоков, но и социальных ожиданий.

Ключевые слова: неолиберальный капитализм, современность, темпоральный режим, кризис, управленчество

Feodor V. Nikolai¹

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Russia

Igor I. Kobylin²

Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia

“Buying Time” or the Temporal Walls of Neoliberal Capitalism

Abstract:

The article questions the opposition of the concepts of “neoliberalism” and “welfare state”. It is more productive to consider them not as mutually exclusive alternatives, but as two coexisting regimes of contemporary capitalism. It is their coexistence that gives the latter additional stability.

- 1 Feodor V. Nikolai — PhD, Senior Research Officer, Centre for Studies in History and Culture, SPP, RANEPА; Professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University). Research interests: memory studies, intellectual history, military anthropology, cultural studies, politics of time. E-mail: fvnik@list.ru
- 2 Igor I. Kobylin — PhD, Associate Professor, Privolzhsky Research Medical University; Senior Research Officer, Centre for Studies in History and Culture, SPP, RANEPА. Research interests: political philosophy, studies of biopolitics and governmentality, Soviet philosophy, politics of time and multitemporality. E-mail: kigor55@mail.ru

Switching regimes within the framework of its general “governmental” strategy, capitalism copes with historical challenges much more successfully, turning the external history into internal dynamics. The assemblage of these two regimes is carried out in temporal and functional planes. In terms of temporality, they equally rely on the logic of progressive historicism. That is, they construct modernity by setting the present against a “dark” past. At the same time, the historical narrative of neoliberalism (in the past — cumbersome state regulation, in the present — effective private management) is the inversion of the narrative of the welfare state (in the past — wild predatory capitalism, in the present — reasonable government intervention and social policy). Switching between these two narratives, capitalism makes people feel that they continue to move “progressively” towards a better future. Risk management becomes another functional common feature of the capitalist project. But if a welfare society implies a minimization of risks at the state’s expense, then neoliberalism plays a more complex game with them. For neoliberalism, crisis is not a test of survival, which must be passed successfully, but rather a new opportunity to strengthen its own position through the “rational” redistribution of funds and constant modification of management strategies that spread more and more widely in all spheres of society. In this model, crises turn out to be a necessary switching point of two regimes — a regulator of both financial flows and social expectations.

86

Keywords: neoliberal capitalism, modernity, regimes of temporality, crisis, governmentality

Немалая часть дискуссий о трансформациях современного капитализма — «позднего», «цифрового», «когнитивного», «эмоционального» и т.д. — особенно после кризиса 2008 года оказалась так или иначе связана с понятием неолиберализма [Grown 2017; Cahill 2018; Kotz 2015; Springer 2016]. Чаще всего этот термин используют критики подчинения политической сферы логике экономической эффективности: «Неолиберальная рациональность, ныне повсеместная в государственном управлении и на рабочих местах, в юриспруденции, образовании, культуре и широком поле повседневной деятельности, преобразует отчетливо политические характер, смысл и действие фундаментальных элементов демократии в экономические» [Браун 2018]. С этой точки зрения, границы между государственными и корпоративными интересами сегодня становятся все более размытыми, а представительная демократия и социальные институты «общества благосостояния» образца 1960–1970-х годов подчиняются власти капитала [Chomsky 1999; Saad-Filho, Johnston 2004]. Одновременно происходит трансформация культурной сферы, меняются механизмы идеологической интерпелляции и соответственно субъективации — общество «кликает» не активного гражданина, но потребителя услуг: «Теперь само общество

производится по законам экономики, сообразно экономической рациональности <...> Здоровоохранение, информация, культура, образование, наука превращаются в сферы, подчиненные экономической логике и рациональности конкурентных рынков» [Жорсани 2007: 134, 137]. В общем, перефразируя Маркса и Фуко, можно сказать, что от формального подчинения неолиберальному управлению через посредство свободы мы перешли к реальному.

Однако в последнее время чрезмерное увлечение «неолиберализмом» как концептуальным инструментом критической теории само вызывает критику. Ряд исследователей справедливо указывают на зонтичный характер термина и как следствие на растущую произвольность его употребления. Не определены ни хронологические рамки «неолиберализма», ни его основные агенты — и австрийские экономисты, и китайские коммунисты и даже шведские социал-демократы признаются сегодня его вольными или невольными адептами. Как справедливо отмечает В. Браун [2018], «неолиберализм — вязкое и трудноуловимое означающее. Общим местом в науке является тот факт, что у неолиберализма нет устойчивых, фиксированных координат, что его дискурсивным формулировкам, политическому влиянию и материальным практикам присуща временная и географическая разнородность». Понятно, что само желание найти единое означающее для совокупности гетерогенных дискурсов и практик мотивировано политически. В мире, где противостояние друг/враг вытесняется симбиозом продавца/покупателя, вытесненное возвращается на уровне теории. Но критический пафос, питаемый «перформативными» иллюзиями (найти политически заряженное означающее для становящегося все более неполитическим мира не означает вернуть в него реальное политическое действие), в значительной степени ослабляет аналитическую функцию понятия. По справедливому замечанию А. Бикбова [2011], «понятие “неолиберализм” постепенно утрачивает ясные очертания. Сегодня оно все чаще используется как своеобразная черная метка. Десятилетие назад эту роль исполнял “постмодернизм” — тотальная угроза плодам Просвещения. Как оказалось, стратегия тотального идейного упрека обезоруживает в первую очередь самих критиков».

Еще более сомнительной является попытка противопоставить «плохой» неолиберализм «хорошему» welfare state — понятию не менее размытому, чем «неолиберализм» [Castles 2012; Eisner 2000; Pierson, Castles, Naumann 2013]. Во-первых, довольно много стран, включая Австрию, Австралию, Бельгию, Нидерланды и Швецию, сохраняют свои социальные программы и до сих пор остаются «государствами всеобщего благосостояния» [Starke, Kaasch, Hoogen 2013]. Разнообразные меры, которые предпринимались правительствами этих стран для преодоления кризисов

1970-х годов, рецессии начала 1990-х или спада 2008 года, нельзя сводить лишь к усилению монетаристской политики свободного рынка. Во-вторых, набирающий сегодня обороты эпидемический кризис наглядно демонстрирует активность государств, ставящих биополитическую заботу о населении выше экономических выгод в краткосрочной перспективе. Значит ли это, что неолиберализм исчерпал себя, что от этого термина нужно отказаться? Можно ли сказать, что это понятие уже не работает или по меньшей мере требует радикальной ревизии [Brown 2019]? Можно ли считать современный рост авторитарных тенденций в Китае, России и США возвращением государства модерна с его дисциплинарными практиками [Tansel 2017]?

На наш взгляд, продуктивнее рассматривать неолиберализм и «государство всеобщего благоденствия» не в качестве взаимоисключающих альтернатив, а в качестве двух сосуществующих «режимов» работы современного капитализма. Именно такое сосуществование и придает последнему дополнительную устойчивость. Тактически переключая «режимы» в рамках своей общей «гувернаментальной» стратегии, он куда успешнее справляется с историческими вызовами, превращая саму «внешнюю» историю в принцип собственной внутренней динамики. «Сборка» этих двух режимов производится в двух плоскостях: темпоральной и функциональной.

88

В темпоральном плане они в равной степени опираются на логику «прогрессистского» историзма, т.е. конструируют современность через противопоставление настоящего темному прошлому. При этом исторический нарратив неолиберализма (в прошлом громоздкое государственное регулирование, в настоящем эффективное частное управление) является инверсией нарратива доктрины «всеобщего благосостояния» (в прошлом дикий, хищнический капитализм, в настоящем разумное государственное вмешательство и социальная политика). Тактическое удобство здесь заключается в том, что запуская по кругу то один, то другой нарратив, противоположный по направлению, можно сохранить у людей ощущение, что они в любом случае продолжают «прогрессивно» двигаться к лучшему будущему.

Другой функциональной общностью этих двух версий капиталистического проекта становится управление рисками. Но если общество благосостояния предполагает простую минимизацию рисков за счет государства, то неолиберализм играет с ними в более сложную игру. Любой кризис — это не столько тест на выживание, который необходимо успешно пройти, сколько новая возможность укрепить свои позиции за счет рационального перераспределения средств и постоянной модификации управленческих стратегий, распространяющихся все шире во всех сферах жизни общества.

Управление рисками, функциональные основания и политическая теория неолиберального капитализма

Современный (неолиберальный) капитализм — это не просто набор экономических практик. Он предлагает и свой собственный язык для описания реальности вообще, и специфическую политическую теорию в частности. Доктрина неолиберализма возникла в конце 1930-х в ситуации, определенной растущим мировым влиянием коммунизма, с одной стороны, и национал-социализма — с другой [Dumenil, Dominique 2004; Hayveu 2007]. Либеральные же демократии переживали не лучшие времена: шок Первой мировой войны сменился шоком экономического кризиса 1929-1933-х годов, и выход из этого кризиса оказался возможен только за счет усиления государства. Именно в такой исторической обстановке в августе 1938 г. в Париже состоялся colloquium Уолтера Липпмана, на котором термин «неолиберализм» обсуждался в выступлениях экономистов Бернара Лаверня и Александра Рюстова [Reinhoudt, Audier 2017]. Подчеркнем, что идеи неолиберализма и общества благосостояния формируются фактически *одновременно*. Как убедительно показал Томас Бибрихер, большинство теоретиков неолиберального проекта (при всем различии их взглядов) признавало важность социальных программ и государственной политики в экономической сфере (в духе «Нового курса» Рузвельта), критикуя лишь жесткое административное планирование. Одной из ключевых причин кризиса либеральных идей образца XIX в. они считали отделение свободы рынков и экономических вопросов от политических: «Неолиберализм следует рассматривать как политико-экономический дискурс, который эксплицитно обращается к неэкономическим предпосылкам функционирования рынков и эффектам взаимодействия между рынками и их окружением» [Biebricher 2019: 27]. Политическая составляющая была изначально важна для неолиберального проекта, а государство рассматривалось в его рамках как источник стабильности, защита от принуждения. «Обычно неолиберализм рассматривают как теорию саморегулирования рынков при минимальном государственном вмешательстве. Однако более внимательное обращение к текстам его отцов-основателей показывает ограниченность такой трактовки: как минимум в некоторых неолиберальных проектах присутствуют требования сильного государства» [Ibid.: 76].

Второе рождение неолиберализма состоялось в августе 1947 г. в Швейцарии и было связано с созданием общества «Мон Пелерин» [Mirowski, Plehwe 2015]. Но и здесь, и во время экономического чуда в Германии 1950-1960-х годов, и в ходе полемики 1970-х о путях выхода из кризиса, неолиберальный проект предполагал взаимосвязь

экономических проблем и политических вопросов — определения перспектив европейской интеграции, согласования региональных, национальных и наднациональных бюджетов и т.д. Важно отметить также, что эта модель воспроизводила/модифицировала сложившиеся отношения центра и периферии: в ведущих европейских странах и США государство оставалось гарантом социальной сферы, а в Третьем мире неолиберализм предполагал жесткую экономию и сокращение государственного вмешательства в экономику.

Для прояснения непростой исторической генеалогии неолиберализма полезно обратиться к относительно недавнему исследованию Джоанны Бокман «Рынки во имя социализма: левые истоки неолиберализма» [2011]. Бокман проблематизирует устоявшуюся в мейнстримовой истории экономики схему, располагающую капитализм, свободный рынок и демократию на одной стороне, а социализм, государственное планирование и авторитарные иерархии на другой. В этой проблематизации ключевую роль играет ревизионистское толкование так называемой неоклассической школы. Обычно — и до определенной степени справедливо — ее противопоставляют социалистическим проектам и практикам. Поскольку во многих социалистических доктринах XIX в. предполагалось, что будущее общество вообще откажется от денег, цен, доходов, ренты и прочих капиталистических пережитков и начнет работать по модели единой фабрики безо всяких опосредующих элементов, то, конечно, экономисты-неоклассики были настроены антисоциалистически — такое общественное устройство было бы полной противоположностью тому, чем они профессионально занимались. Однако, как замечает Бокман, менялись и представления о социализме, и сами неоклассические построения. В итоге, несмотря на жесткую критику трудовой теории стоимости и вроде бы очевидную приверженность принципам свободной конкуренции, неоклассическая теория стала одним из инструментов «нормализации» социализма. В математических моделях, построенных экономистами-неоклассиками, экономика конкурентных рынков оказалась чуть ли не идентичной экономике централизованного планирования. Из вопиющего нарушения всех законов экономической рациональности социализм превратился в одну из возможных вариаций современной индустриальной экономики. «К 90-м годам XIX века экономисты-неоклассики вдруг неожиданно обнаружили, что конкурентная рыночная экономика математически идентична экономике централизованного планирования» [Bockman 2011: 7].

Математическая эквивалентность моделей позволила открепить различные экономические компоненты (рынок, план, регулирование и др.) от их формационных каркасов и начать теоретически и, что еще важнее, практически экспериментировать с комбинация-

ми этих освободившихся, «плавающих» элементов как между собой, так и с разными политическими институтами. Пересборка, конечно, могла просто укрепить прежнюю позицию. Так, например, гипотеза социалистического государства была для правой неоклассики не более чем полезным методологическим инструментом: будучи концептуальным персонажем, негативным двойником, такой «социализм» от противного помогал продумать нюансы собственного подхода. Но, с другой стороны, Бокман напоминает, что уже Леон Вальрас — один из основателей неоклассической доктрины, критик Маркса и автор теории общего экономического равновесия — сочетал стойкую приверженность свободным рынкам с искренними социалистическими убеждениями. Более того, только социализм с его точки зрения и мог обеспечить необходимые условия для настоящей конкуренции. Если государство будет собственником земли и природных ресурсов, оно сможет передавать их в индивидуальную или групповую аренду людям, устраняя тем самым опасности монополизации и создавая необходимую среду для честной конкурентной борьбы. Как замечает Бокман, в концепции Вальраса социалистические институты, рынок и математика не только не исключают друг друга, но и являются друг для друга необходимыми условиями возможности.

91

Победа большевистской революции в России сделала разговор о социализме еще более актуальным и куда более предметным. Из чистой гипотезы он буквально на глазах превращался в реальность. И, конечно, это превращение вызвало острейшие политико-экономические дискуссии и о самой гипотезе, и о получившемся результате, в котором, по мнению одних, гипотеза опознавалась с большим трудом, а по мнению других — слишком хорошо, и именно это как раз и говорило не в пользу гипотезы. В любом случае каждый шаг, который делал советский реальный социализм, породил особое полемическое пространство, где различные альтернативные формы или вариации социалистической идеи существовали в виде нереализованных (пока) теоретических возможностей. И неоклассическое учение играло в этом пространстве одну из ключевых ролей.

Настоящий триумф неоклассической теории вообще и неоклассические модели социализма в частности переживают в 1950–1960-е годы. XX съезд в СССР и конец маккартизма в США открыли новые возможности для взаимодействия между Востоком и Западом, включая интенсивный интеллектуальный обмен в среде ученых-экономистов. Этот обмен, безусловно, не был невинной, чисто научной коммуникацией — исследовательские институции были тесно связаны с разведывательными службами с обеих сторон. Однако то, что формирующаяся академическая сеть тесно переплеталась

с дипломатическими, разведывательными и политико-идеологическими сетями, нисколько не мешало возникновению особых пространств, которые Бокман, используя термин антрополога Виктора Тэрнера, называет лиминальными. Тэрнер, описывая ритуальные процессы африканских племен, определяет лиминальных существ как существующих в промежутках между позициями, предписанными законами, церемониями и обычаями. Нечто похожее мы видим и в образовавшихся промежутках между идеологическими зонами, расчерченными законом и обычаями холодной войны. Да, диалог ученых контролировался политиками, но в результате этого диалога возникали лиминальные концепции, альтернативные и капитализму американского образца, и социализму образца советского. Более того, здесь мы сталкиваемся со сложным рекурсивным процессом — эти концепции начинают оказывать обратное влияние на исходные политико-экономические режимы.

92

Одна из главных уловок современного неолиберализма заключается, согласно Бокман, в том, что он ретроактивно переписывает всю многогранную экономическую историю послевоенного мира как историю собственной триумфальной победы. Драматические и далеко неоднозначные взаимоотношения свободного мира с коммунистическим лагерем интерпретируются как направленная либерализация последнего, закончившаяся крахом тоталитарной утопии и повсеместным распространением капиталистической экономики и парламентской демократии. Главный же тезис Бокман заключается в том, что и первым, и вторым рожденьями неолиберализм обязан лиминальному бульону неоклассических и социалистических идей и практик. Его корневая система питается как справа, так и слева.

Во-первых, неолиберализм — это не только свободные конкурентные рынки, но и авторитарное (хотя и небольшое) государство, способное держать эти рынки открытыми. Во-вторых, внутри фирм и корпораций царит жесткая иерархия менеджмента, не предполагающая никакого самоуправления работников. Как язвительно замечает Бокман, неолибералов не заботит почему-то избыточность и неэффективность внутрикорпоративного управления. Наконец, неолиберализм делает недвусмысленный идеологический выбор в пользу означивающего «капитализм». Любые разговоры о социалистических элементах в экономической системе мгновенно квалифицируются как опасные утопические мечтания. Как мы видим, неолиберализм наследует левому проекту сразу в двух смыслах: «плохом» и «хорошем». С одной стороны, он не менее авторитарен и иерархичен, чем реальный государственный социализм советского образца. С другой, продвигая постфордистскую организацию экономики, он пародийным образом реализует радикальные — «хо-

рошие» — коммунистические требования. Внутри экономического пространства государство «отмирает», труд в его классическом понимании «упраздняется», конвейерное отчуждение сменяется «всесторонним раскрытием способностей и личностным ростом» в условиях прекарной занятости. Как точно заметил итальянский постопераист Паоло Вирно [2013], постфордизм — это что-то вроде «коммунизма капитала».

Принимая во внимание не только доминирующую во всех экономических дебатах ось «государство vs рынок», но и другую, часто не замечаемую ось «иерархия vs самоуправление и демократия», Бокман существенно усложняет картину генезиса и сущности неолиберализма. Как во многих социалистических доктринах элементы рынка вводятся именно для усиления экономической демократии, так и в рыночных неолиберальных концепциях авторитарные методы политического управления предполагаются необходимыми для бесперебойного функционирования этих рынков. Реальная история оказывается куда более гибридной, чем это виделось сквозь идеологические очки, неважно, социалистические или неолиберальные. И любые теоретические спекуляции о неолиберализме должны эту гибридность учитывать.

93

Возвращаясь от проблемы генезиса неолиберализма к его актуальной политике, необходимо вспомнить один из ключевых тезисов этой доктрины. Экономический спад нужно рассматривать как повод для структурных реформ, которые перезагрузят систему и приведут к экономическому росту. Этот тезис обсуждался и в 1960-1970-е годы, но своей кульминации он достиг в эпоху правления М. Тэтчер и Р. Рейгана [Вассаго, Howell 2017; Campbell 2004; Fuchs 2016]. С тех пор именно он определяет неолиберальную мысль. В этом смысле неолиберализм не только появился как ответ на кризис 1930-х годов, но сделал кризис ключевым моментом своего самоопределения. Само по себе замедление темпов экономического роста или даже временный спад еще не являются кризисом: «Кризис возникает не просто как вопрос (экономических) данных, но как модель интерпретации, повествования и конструирования. Возможно, еще более важным является вопрос о характере этого кризиса. <...> Кризис должен быть интерпретирован, и ключевое значение имеет то, какая именно интерпретация возобладает, поскольку диагностика природы кризиса предопределяет его терапию и меры антикризисного управления» [Biebricher 2019: 197]. Символическое кодирование или интерпретация кризиса являются неотъемлемой частью общей ситуации. Экономике невозможно отделить от социальных теорий и культурных стратегий описания — это и динамика обменов, и ее (научное) толкование. С этой точки зрения, кризис кейнсианства в 1970-е был вызван в равной степени энергетическим кризисом,

социальным расслоением, а также растущими теоретическими разногласиями по поводу стратегий преодоления существующих проблем. Лишь в такой ситуации неопределенности прежде маргинальный неолиберальный нарратив смог бросить вызов кейнсианству и в конечном итоге заменить его в качестве господствующей экономической парадигмы.

Подчеркнем, что переплетение экономических, политических и культурных аспектов кризиса провоцирует ситуацию не только риска, но и радикальной неопределенности, когда даже вероятностное прогнозирование на основе прошлого опыта оказывается под вопросом ввиду уникальности ситуации, не имеющей исторических аналогов. Более того, различить ситуации риска и полной неопределенности невозможно исходя из эмпирических данных — это именно открытый вопрос интерпретации. Неолиберализм оказался лучше неокейнсианства подготовлен к работе в изменившихся (не только экономических, но и политических, и культурных) условиях, сделав ставку на символическое кодирование растущей нестабильности в терминологии рисков. И научился извлекать из этого прибыль. В этом смысле не соотношение государства и рынка, а именно неопределенность стала функциональной основой неолиберального проекта. Именно она легла в основу переключения режимов государственного вмешательства или невмешательства в экономику, восстановления авторитаризма или роста гражданских свобод в условиях неолиберального капитализма. Поэтому, как отмечает Т. Бибрихер [Biebricher 2019: 5], «В реальности не ясно, способствует неолиберализм уходу государства из экономики или, наоборот, создает сильное государство — гарант рыночной конкуренции».

При этом возведенная в культ неопределенность позволяет ограничить претензии девелопментального историзма. Хотя, как уже отмечалось выше, неолиберализм моделирует «прогрессивный» переход от «темного» прошлого к рациональному настоящему, сам себя он из исторической динамики исключает. Именно потому, что он и есть воплощенная «естественная рациональность», собственную историчность (неолиберализм — это исторически сложившийся феномен, зародившийся в 1930-е, набравший силу в 1950-1970-е, добившийся повсеместной победы в 1980-е и постепенно устаревающий в 2000-е) он выносит за скобки. Конечно, неолиберальная модель менеджмента постоянно говорит об «устремленности в будущее», постоянно продуцируя различия между «до» и «после» в попытке рационально просчитать риски в ситуации радикальной неопределенности. Но это своего рода будущее без будущего — никакой качественной новизны оно не несет, являясь лишь технически улучшенной версией настоящего. Впрочем, само представление о линейном

времени прогрессивного улучшения до сих пор конститутивно для капитализма, и на современных особенностях этого темпорального режима стоит остановиться чуть подробнее.

Темпоральные стены современного капитализма

Неолиберализм не сменяет общество благосостояния, но соседствует с ним в рамках общей темпоральной логики, где различие прошлого и будущего соотносится с различием страхования прошлых социальных инвестиций и ориентированных на будущие прибыли спекуляций. Внутри такого темпорального диспозитива (символизируемого в массовой культуре «ретроманией» и «футурологией») происходит постоянное переключение с одного полюса на другой, а кризисы являются триггерами такого переключения.

Проблемы темпорального режима модерна и политики времени в последние годы широко обсуждаются в гуманитарных исследованиях [Hartog 2015; Agathangelou, Killian 2016; Олейников 2016], но довольно редко рассматриваются в контексте развития современного капитализма [Dávila 2014; Stewart 2020]. В этой связи достаточно важной представляется идея Дэвида Блэни и Наима Айнаятүла о том, что капитализм возник не просто как экономическая активность, но и как специфическая констелляция пространства и времени. Он представляет собой не только накопление богатств, но и противопоставление прогрессивного типа экономического роста на Западе отсталости незападных стран: «Запад конструирует себя во многом через политэкономия. Политэкономия как теория и как практика становится идеализацией богатства, цивилизованности и модерности Запада. Эта идеализация отделяет Запад от остального мира — бедного, дикого и отсталого» [Blaney, Inayatullah 2010: 15]. Гуманность и цивилизация при этом оказываются неразрывно связаны с накоплением капитала и универсальностью политэкономии, а дикость (в историческом и территориальном планах) — с бедностью и партикулярностью, которыми занимается антропология. Начиная с Адама Смита и шотландского Просвещения капиталистическая политэкономия противопоставляет прошлое и будущее. Прогрессистский (или девелопментальный) исторический нарратив пытается придать определенное направление или смысл этой оппозиции, косвенно легитимируя поддерживающее ее насилие, социальное неравенство и региональные конфликты. Все они совершаются «ради светлого (капиталистического) будущего». Капитализм концентрирует богатства одних за счет бедности других, усиливает центры мир-системы за счет периферии [Cogné 2016]. И поддержание этого неравенства предполагает постоянное наси-

лие, поэтому Б. Блэни и Н. Айнаятула говорят о «ранах» капитализма, экстериоризации его внутренней нестабильности и превращении бедности в неотъемлемую черту сложившейся гегемонии.

Принципиально изменить ситуацию лишь в экономической сфере невозможно: капитализм опирается на социальное неравенство, политические институты и (главное) описанные выше «темпоральные стены» — противопоставление прошлого и будущего. Для выхода за рамки этой системы необходима ревизия границ между экономикой (претендующей на объективность и универсальность) и исследованиями культуры (субъективными и партикулярными). Необходимо вскрыть бессознательные структуры, фундирующие политэкономия, и показать их этические ограничения. Кризис 2008 года и в еще большей степени ситуация 2020 года показывают, что преодоление возникших проблем невозможно без масштабных политических, социальных и культурных изменений. «Экономическая жизнь неразрывно связана с социальными институтами, которые существуют в рамках определенной космологии времени. Поэтому вызов господству свободного рынка и свободы торговли включает не просто использование дефицита времени, но изменение самих наших представлений о возникновении и течении времени. <...> Нужно представить себе “поли-темпоральную” глобальную политэкономия — мир пересекающихся времен. Признание того, что мы всегда находимся на “перекрестке темпоральностей” привлекает внимание к понятию “культуры культур” Саллинса и к экономическим практикам, соединяющим логику накопления как “отложенного возвращения” с совместным использованием (sharing) как “мгновенной отдачей”. Признание мультитемпоральности позволяет изменить нашу политико-экономическую реальность, согласовывать наши идеалы с жизненными возможностями» [Blaney, Inayatullah 2010: 195, 199]. С этой точки зрения необходим «темпоральный диалог» — признание, что время модерна, горизонт прошлого (домодерного) опыта и ожидания (посткапиталистического) будущего постоянно переплетаются. Граница между ними формируется и переосмысливается внутри нас. Кроме того, мультитемпоральность указывает на сохраняющуюся *неопределенность* в отличном от неолиберального смысле. Речь идет о гетерогенности локальных практик и нормативных моделей (которые пытается синхронизировать неолиберальный капитализм), а, следовательно, и об открытости будущего качественным изменениям.

Взаимосвязь темпоральных и функциональных оснований современного капитализма прослеживает Мартен Конингс [Konings 2018] в своей книге «Капитал и время: новая критика неолиберального разума», где доказывает, что неолиберальная политика времени во многом воспроизводит правила двойной бухгалтерии,

которые возникли в эпоху итальянского Ренессанса и до сих пор обеспечивают воспроизводство капиталистической экономики. Идея баланса между дебетом и кредитом переносится на соотношение ожиданий и обязательств, будущего и прошлого. Спекуляции в условиях неопределенности предполагают *одновременно* укрепление крупных капиталов, поддерживаемых государством в рамках антикризисной политики, и подчинение миноритарных акторов режиму экономии (выживания). Речь идет не о циклическом спаде капиталистической экономики в его классическом марксистском или кейнсианском понимании, когда избыток спекуляций требует государственного регулирования. Кризис становится средством *укрепления* позиций крупных финансовых игроков — валоризацией их стратегии капитализации рисков. Он позволяет распространить неолиберальные принципы управления на темпоральность. В зависимости от конъюнктуры включаются разные режимы: либо режим спекуляции (ориентированной в будущее), либо экономии (страхования прошлых инвестиций). Таким образом, речь идет о капитализации темпоральной неопределенности.

Эта неопределенность принципиально важна для современного капитализма не только на уровне поддержания иллюзии личного выбора потребителя, но и в макроэкономике. Известный немецкий социолог Вольфганг Штрик [2019: 16, 17] рассматривает политико-экономические кризисы второй половины XX в. как отложенную проблему — «купленное время»: «Купить время» — дословный перевод английского выражения *buying time*, что означает выиграть время, оттянуть предстоящее событие, чтобы попытаться его предотвратить. <...> Деньги — самый загадочный институт капиталистической современности — были нужны для того, чтобы снять напряжение от потенциально дестабилизирующих социальных конфликтов: сначала с помощью инфляции, потом — растущих государственных долгов, далее — путем расширения рынков частного кредитования и, наконец, сегодня — через покупку центральным банком государственных долгов и банковских обязательств. Как я покажу, «покупка времени», отсрочившая и растянувшая кризис демократического капитализма в послевоенные годы, тесно связана с эпохальным процессом капиталистического развития, который мы называем «финансализацией». По мнению исследователя, в 1968 г. произошел двусторонний разрыв социального контракта: низшие классы активно потребовали расширения государственных социальных программ; верхние — сокращения налогов и ослабления контроля над финансовой сферой. Важно отметить, что речь шла не просто о некоторой экономической конъюнктуре, но о сознательной активности, нацеленной на увеличение капитала. Культура потребления при этом сохранялась, но риторика кризиса позволяла

ограничивать завышенные ожидания *общего* экономического роста. При этом социальная теория (концепции постиндустриального общества) стала частью политической борьбы за перераспределение прибыли.

Финансовый капитал провел ревизию социального (демократического) капитализма: долги (общие для всех), а не налоги (собираемые в основном с богатых) стали основой его экономического развития. Одновременно с 1970-х годов положение большей части западного общества перестало качественно улучшаться: увеличение доходов нивелировалось инфляцией, ростом государственного долга и потребительских кредитов. Важно подчеркнуть, что государство сохранило существенную роль в экономической сфере: именно оно гарантирует выплаты государственного долга, регулирует инфляцию и предоставляет поддержку наиболее крупным финансовым игрокам в условиях кризиса. Кроме того, оно обеспечивает социальную стабильность (важный фактор для привлечения инвестиций) и финансирует фундаментальные научные разработки, прикладными результатами которых пользуется технологический сектор экономики.

98

Кризисы в этой модели оказываются необходимой точкой переключения — регулятором не только финансовых потоков, но и социальных программ и ожиданий. В рамках современного неолиберального капитализма они воспроизводят и легитимируют неравенство. Их экономическая и социальная функция неразрывно взаимосвязаны. С этой точки зрения, неолиберализм представляет собой не радикально новый период развития капитализма, но дополнение/ревизию его версии образца 1960-х годов. Здесь в равной степени важны преемственность и различия, связанные с использованием кризиса как средства укрепления существующей экономической и социальной системы.

* * *

Стремление отделить «плохой» неолиберализм от «хорошего» государства благосостояния конструирует ложную оппозицию, подобную прекрасно нам известному противопоставлению лихих 90-х и позднесоветской стабильности образца 1960-1970-х, ставшей своего рода ностальгическим, аффективным ориентиром для новой стабильности нулевых. Такого рода оппозиции не позволяют увидеть преемственность и/или структурную связь там, где провозглашается разрыв.

Предложенная выше попытка описать неолиберализм и welfare state как различные режимы работы одной и той же «машины» дает возможность и заново поставить по-настоящему трудный вопрос

о реальной альтернативе этой «машине». Действительно, современный капитализм стремится контролировать не только экономику и повседневность, эмоции и техники субъективации [Aoust 2017; Braedley, Luxton 2010; Charf 2015], но и язык описания происходящих изменений и образов возможного будущего. Причем не только реформистский язык возврата социальному государству, но и трансгрессивный язык радикальной критики. Кети Чухров [Chukhrov 2020] убедительно показала, что постструктуралистская критика капиталистического отчуждения, говорящая на языке Желания, остается заложником собственной «либидинальности», по кругу отсылающей к либидинальной экономии капитала. Историческое время перестало быть внешним Законом, отмеряющим срок капиталистической формации, — оно превратилось в ее внутреннюю динамику. С одной стороны, время тут — это по-прежнему время прогресса, но такой прогресс не предполагает никакой качественной перемены. В этом смысле мы имеем дело с девелопментальной предсказуемостью. Но с другой стороны, внутри этих темпоральных стен каждый из нас сталкивается с искусственно поддерживаемой капиталом неопределенностью. Как отмечают многие исследователи, ключевой категорией при этом становится категория жизнестойкости, или устойчивости к кризисам [Madariaga 2020; Callison, Manfredi 2019; Chandler, Reid 2016]. Символическое кодирование кризисов как неизбежной реальности социального развития оказывается неотъемлемой частью темпоральной политики и капиталистической политэкономии в целом. Выиграть время означает сохранить прибыли привилегированного меньшинства в условиях растущей неопределенности. Поэтому для социальной теории так важен вопрос о возможности *будущего без капитализма*. Контуры некапиталистического общества обрисовать сегодня еще труднее, чем в 1933 или 1991 годах, в том числе потому, что существующие языки социально-философского анализа утратили свою проективную мощь, стали диалектами монетаристского дискурса. Но это лишь подчеркивает настоятельность вопроса о будущем, в интересах которого нам уже сегодня необходимо переформулировать как теорию экономической эффективности капитализма, так и двусмысленную политику времени, на которую он опирается.

Библиография / References

Бикбов А. (2011) Культурная политика неолиберализма. *Художественный журнал*, 83 (3). (<http://moscowartmagazine.com/issue/14/article/187>)

— Bikbov A. (2018) Cultural policy of neoliberalism. *Moscow Art Magazine*, 83 (3). — in Russ.

Браун В. (2018) Разрушение демократии: как неолиберализм преобразовывает государство и субъекта. *Неприкосновенный запас*, 120 (4): 99-129. (https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/120_nz_4_2018/article/20096/)

— Brown W. (2018) Undoing democracy: neoliberalism's remaking of state and subject. *NZ*, 120 (4): 99-129. — in Russ.

Вирно П. (2013) *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*, М.: Ад Маргинем Пресс.

— Virno P. (2013) *A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life*, Moscow: Ad Marginem Press. — in Russ.

Дардо П., Лаваль К. (2011) Неолиберализм и капиталистическая субъективация. *Логос*, 80 (1): 103-117.

— Dardot P., Laval C. (2011) Neoliberalism and capitalist subjectivation. *Logos*, 80 (1): 103-117. — in Russ.

Корсани А. (2007) Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм: информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме. *Логос*, 61 (4): 123-143.

— Corsani A. (2007) Capitalism, biotechnology and neoliberalism: information for reflection on the relationship between capital, knowledge and life in cognitive capitalism. *Logos*, 61 (4): 123-143. — in Russ.

Олейников А.А. (2016) Политика времени. *Социология власти*, 28 (2): 8-14.

— Oleynikov A. (2011) Politics of time. *Sociology of Power*, 28 (2): 8-14. — in Russ.

Штрик В. (2019) *Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма*. Пер. с нем. И. Женина, М.: ИД ВШЭ.

— Streek W. (2019) *Buying time: the delayed crisis of democratic capitalism*, Moscow: HSE Publishing House. — in Russ.

Agathangelou A.M., Killian K.D. (2016) (eds) *Time, Temporality and Violence in International Relations: (De)fatalizing the Present, Forging Radical Alternatives*, New York: Routledge.

Aoust A.-M. de (2017) (eds) *Affective Economies, Neoliberalism, and Governmentality*, New York: Routledge.

Vaccaro L., Howell C. (2017) *Trajectories of Neoliberal Transformation: European Industrial Relations Since the 1970s*, Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Biebricher T. (2019) *The Political Theory of Neoliberalism*, Stanford: Stanford University Press.

Blaney D.L., Inayatullah N. (2010) *Savage Economics: Wealth, Poverty and the Temporal Walls of Capitalism*, New York: Routledge.

Bockman J. (2011) *Markets in the Name of Socialism: The Left-Wing Origins of Neoliberalism*, Stanford: Stanford University Press.

Braedley S., Luxton M. (2010) (eds) *Neoliberalism and Everyday Life*, Montreal: McGill-Queen's University Press.

Brown W. (2017) *Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution*, New York: Zone Book.

- Brown W. (2019) *In the Ruins of Neoliberalism: The Rise of Antidemocratic Politics in the West*, New York: Columbia University Press.
- Cahill D., Cooper M., Konings M., Primrose D. (2018) (eds) *The SAGE Handbook of Neoliberalism*, Los-Angeles; London: SAGE Publications.
- Callison W., Manfredi Z. (2019) (eds) *Mutant Neoliberalism: Market Rule and Political Rupture*, New York: Fordham University Press.
- Campbell A. (2004) *The Birth of Neoliberalism in the United States: A Reorganisation of Capitalism*. A. Saad-Filho, D. Johnston (eds) *Neoliberalism: A Critical Reader*, London: Pluto Press: 187-198.
- Castles F.G., Leibfried S., Lewis J., Obinger H., Pierson C. (2012) (eds) *The Oxford Handbook of the Welfare State*, Oxford; New York: Oxford University Press.
- Chandler D., Reid J. (2016) *The Neoliberal Subject: Resilience, Adaptation and Vulnerability*, London; New York: Rowman & Littlefield Publishers.
- Chari A. (2015) *A Political Economy of the Senses: Neoliberalism, Reification, Critique*, New York: Columbia University Press.
- Chomsky N. (1999) *Profit Over People: Neoliberalism & Global Order*, New York: Seven Stories Press.
- Chukhrov K. (2020) *Practising The Good: Desire and Boredom in Soviet Socialism*, Minneapolis: University of Minnesota Press (e-flux).
- Cornel B. (2016) *Ruling Ideas: How Global Neoliberalism Goes Local*, Oxford: Oxford University Press.
- Dávila A. (2014) Locating Neoliberalism in Time, Space, and “Culture”. *American Quarterly*, 66 (3): 549-555.
- Dumenil G., Dominique L. (2004) *Capital Resurgent: Roots of the Neoliberal Revolution*, Cambridge: Harvard University Press.
- Eisner M.A. (2000) *From Warfare State to Welfare State*, University Park: Penn State University Press.
- Fuchs C. (2016) Neoliberalism in Britain: From Thatcherism to Cameronism. *TripleC*, 14 (1): 163-188.
- Hartog F. (2015) *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*, New York: Columbia University Press.
- Harvey D. (2007). *A Brief History of Neoliberalism*, Oxford: Oxford University Press.
- Konings M. (2018) *Capital and Time: For a New Critique of Neoliberal Reason*, Stanford: Stanford University Press.
- Kotz D.M. (2015) *The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism*. Cambridge, London: Harvard University Press.
- Madariaga A. (2020) *Neoliberal Resilience: Lessons in Democracy and Development from Latin America and Eastern Europe*, Princeton: Princeton University Press.
- Mirowski P., Plehwe D. (2015) (eds) *The Road from Mont Pèlerin: The Making of the Neoliberal Thought*, Cambridge: Harvard University Press.
- Pierson C., Castles F.G., Naumann I.K. (2013) (eds) *The Welfare State Reader*, New York: Polity.

Reinhoudt J., Audier S. (2017) *The Walter Lippmann Colloquium: The Birth of Neo-Liberalism*, New York: Palgrave Macmillan.

Saad-Filho A., Johnston D. (2004) (eds) *Neoliberalism: A Critical Reader*, London: Pluto Press.

Springer S., Birch K., MacLeavy J. (2016) (eds) *The Handbook of Neoliberalism*, New York: Routledge.

Starke P., Kaasch A., Hooren F. Van (2013) *The Welfare State as Crisis Manager: Explaining the Diversity of Policy Responses to Economic Crisis*, New York: Palgrave Macmillan.

Stewart I. (2020) On Recent Developments in the New Historiography of (Neo) Liberalism. *Contemporary European History*, 29 (1): 116-124.

Tansel C.B. (2017) (eds) *States of Discipline: Authoritarian Neoliberalism and the Contested Reproduction of Capitalist Order*, London: Rowman & Littlefield.

Рекомендация для цитирования:

Николаи Ф.В., Кобылин И.И. (2021) «Выиграть время», или темпоральные (за) стенки неолиберального капитализма. *Социология власти*, 33 (1): 84-102.

For citations:

102

Nikolai F.V., Kobylin I.I. (2021) "Buying Time" or the Temporal Walls of Neoliberal Capitalism. *Sociology of Power*, 33 (1): 84-102.

Поступила в редакцию: 18.01.2021; принята в печать: 28.01.2021

Received: 18.01.2021; Accepted for publication: 28.01.2021